

Археологические вести

— 26 —

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUTE FOR THE HISTORY OF MATERIAL CULTURE

А. М. С.

Archaeological news

26
(2020)

On the 90th anniversary of Aleksandr Danilovich Grach

SAINT PETERSBURG
2020

Археологические вести

26
(2020)

К 90-летию Александра Даниловича Грача

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ
2020

Издание основано в 1992 году

Редакционная коллегия:

Н. В. Хвоцинская (главный редактор), О. И. Богуславский, В. С. Бочкарев, С. А. Васильев, М. Ю. Вахтина, Ю. А. Виноградов, член-корреспондент РАН П. Г. Гайдуков, Т. С. Дорофеева (отв. секретарь), М. Т. Кашуба, А. В. Курбатов, В. А. Лапшин, академик РАН Н. А. Макаров, академик РАН В. И. Молодин, Н. И. Платонова, Н. Ю. Смирнов, Л. Г. Шаяхметова

Редакторы-составители: А. В. Поляков, Н. Ю. Смирнов, М. Т. Кашуба

Рабочая группа: В. С. Бусова, М. Е. Килуновская, Н. А. Лазаревская, Д. Г. Савинов

Рецензенты: доктор исторических наук, профессор И. Л. Тихонов, доктор исторических наук, профессор В. В. Бобров

Археологические вести, Институт истории материальной культуры РАН. – 1992. – **Вып. 26** / [Гл. ред. Н. В. Хвоцинская]. – СПб., 2020. – 304 с.: ил.

ISSN 1817-6976

В очередном выпуске «Археологических вестей» ИИМК РАН публикуются избранные материалы, представленные участниками конференции «Древние культуры Центральной Азии и Санкт-Петербург – 2», прошедшей в г. Санкт-Петербурге в декабре 2018 г. Конференция была приурочена к 90-летию со дня рождения А. Д. Грача – выдающегося отечественного археолога, крупного исследователя древностей Центральной Азии и основателя двух направлений в рамках ленинградской археологической школы: археологического изучения Тувы и археологического изучения Ленинграда / Санкт-Петербурга. Отдельный раздел затрагивает актуальные проблемы спасательных археологических исследований в зонах затоплений на примерах работ отечественных и иностранных ученых. В мемориальной части помещены воспоминания младших коллег и друзей А. Д. Грача о его научном пути в археологии, разносторонне характеризующие его личность и вклад в развитие археологии Тувы и Санкт-Петербурга. Важную часть составляют документальные свидетельства, связанные с работой А. Д. Грача в ЛОИА АН СССР, его руководством крупнейшей в СССР Саяно-Тувинской экспедицией Академии наук, а также решение Ученого совета ИИМК РАН об ошибочности его увольнения из ЛОИА АН СССР и признании его заслуг перед отечественной археологией. Издание сопровождается фотографиями, хранящимися в Научном архиве ИИМК РАН и в личных архивах авторов, многие из которых публикуются впервые.

The current issue of the “Arkheologicheskie Vesti” (Archaeological News) of the Institute of the History of Material Culture RAS includes selected materials presented by participants of the conference “Ancient cultures of Central Asia and Saint Petersburg – 2” held in Saint Petersburg in December, 2018, and timed to the 90th anniversary of A. D. Grach – a prominent national archaeologist, outstanding researcher of antiquities of Central Asia and the founder of two Leningrad archaeological schools: archaeological studies of Tuva and archaeological investigations of Leningrad / Saint Petersburg. A particular section is concerned with urgent problems of rescue archaeological investigations in submergence zones at the examples of Russian and foreign scholars. The memorial part contains reminiscences by younger colleagues and friends of A. D. Grach about his scientific career in archaeology characterizing many aspects of his personality and his contribution to the progress of archaeology of Tuva and Saint Petersburg. An important part was constituted by documentary evidence concerned with A. D. Grach’s work in the Leningrad Branch of the Institute of Archaeology (LOIA), AS USSR, and his guidance of the largest in the USSR Sayan-Tuva Archaeological Expedition of the Academy of Sciences, as well as the resolution of the Scientific Council of IIMK on the fallaciousness of his dismissal from the LOIA AS USSR and recognition of his service to the national archaeology. The publication includes photographs kept at the Scientific Archives of IIMK RAS and in personal archives of the authors; many are published for the first time.

Обложка / Cover:

Первая страница – Роговая поясная пряжка из кургана 13 могильника Саглы-Бажи II (к статье Л. С. Марсадолова)

Fist page of cover – Horn belt buckle from barrow 13 at the cemetery of Sagly-Bazhi II (article by L. S. Marsadolov)

Четвертая страница – Дорога в Старый Шагонар (ныне – дно Тувинского моря) и петроглифы Овьюра (петроглифы – к статье В. С. Бусовой, М. Е. Килуновской)

Fourth page – Road to Stary (Old) Shagonar (now bottom of the Tuva Sea) and petroglyphs in Ovyur (petroglyphs – article by V. S. Busova and M. E. Kilunovskaya)

© Институт истории материальной культуры РАН, 2020

© Коллектив авторов, 2020

© Российская академия наук, продолжающееся издание «Археологические вести», 1992 (год основания), 2020

ISSN 1817-6976

АРХЕОЛОГИЯ ТУВЫ В ТРУДАХ АЛЕКСАНДРА ДАНИЛОВИЧА ГРАЧА

(Интервью¹ 20 декабря 2019 г.)

Д. Г. Савинов²

Аннотация. *Интервью с Д. Г. Савиновым было организовано Н. Ю. Смирновым. Форма устной беседы под запись, с последующей расшифровкой и уточнением отдельных моментов, была предложена Д. Г. Савиновым как наиболее соответствующая, с его точки зрения, задачам описания личности А. Д. Грача как крупного ученого, старшего коллеги и друга. Темы и сюжеты, затронутые в беседе Д. Г. Савинова и Н. Ю. Смирнова, с разных сторон освещают личность А. Д. Грача, его становление как ученого и крупнейшего исследователя древностей Тувы в XX в., заложившего основы современной «картины мира» для своих последователей – археологов Санкт-Петербургской научной школы, изучающих в наши дни этот удивительный регион.*

Annotation. *Interview with D. G. Savinov was organized by N. Yu. Smirnov. The form of a recorded verbal conversation with subsequent transcription and a more exact description of certain moments was proposed by D. G. Savinov as a most appropriate one, in his opinion, to the goals of presentation of A. D. Grach's personality as a prominent scholar, a senior colleague and a friend. The topics and subjects touched upon in the conversation of D. G. Savinov and N. Yu. Smirnov deal with different aspects of the personality of A. D. Grach and his maturing as a scholar and the most prominent researcher of Tuva antiquities in the 20th century who has laid down the foundations of the modern 'picture of the world' for his followers – archaeologists of the Saint Petersburg scientific school studying now this amazing region.*

Ключевые слова: *А. Д. Грач, археология Тувы, воспоминания, история археологических исследований, СТЭАН.*

Keywords: *A. D. Grach, archaeology of Tuva, reminiscences, history of archaeological investigations, STEAN.*

doi.org/10.31600/1817-6976-2020-26-21-31

Н. С.: Дмитрий Глебович, мне показалось очень интересной предложенная вами форма воспоминаний об Александре Даниловиче Граче – в виде живого диалога между вами, человеком, который с ним работал и дружил, и мной, бывшим вашим студентом, который А. Д. Грача знал уже только по его работам. Будем считать, что таким образом и осуществляется преемственность поколений.

Скажите, почему вы избрали такую форму воспоминаний об Александре Даниловиче Граче?

Д. С.: Дело в том, что Александр Данилович – крупный ученый, сделавший много открытий, и как-то кратко изложить, в чем состоят его заслуги,

можно, но не хотелось бы, так как получится простое перечисление. Если же говорить о развернутой форме анализа, то это вырастает в особый жанр – изучение научного вклада известного исследователя, а мне бы не хотелось в этой роли выступать. Поэтому выбранная форма беседы, даже не интервью, а беседы, наиболее соответствует, на мой взгляд, самой идее такой работы, так как отражает мой взгляд, мою точку зрения на А. Д. Грача и его заслуги. Это то, как я себе представляю основной вклад Александра Даниловича в археологию Центральной Азии.

А каждый ученый оценивается по тому, что он сделал по сравнению с предшественниками и насколько его открытия, понятия, им введенные, новации и так далее используются в последующем. То есть если он сделал много по сравнению с предшественниками и если то, что он сделал, оказывается нужным для его последователей. Это и стоит обсуждать.

¹ Интервью с Д. Г. Савиновым было записано на диктофон Н. Ю. Смирновым 20 декабря 2019 г. в ИИМК РАН. В расшифрованном тексте интервью, для краткости, фразы собеседников отмечены лишь их инициалами. Соответственно, инициалы Д. С. означают реплику Д. Г. Савинова, а Н. С. – Н. Ю. Смирнова.

² 199034, Россия, Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 5. Институт истории Санкт-Петербургского государственного университета. Кафедра археологии.

Н. С.: Мне кажется, что наш диалог – очень хорошая форма воспоминаний, и потому что они также будут опубликованы, как и другие мемориальные статьи, и с этим текстом столкнется читатель, и я, видимо, здесь выступаю уже как первый такой читатель, еще даже не текста, и потому, что у вас есть возможность в процессе воспоминаний услышать вопрос потенциального читателя и на него сразу ответить.

Д. С.: Безусловно!

Н. С.: Тогда продолжим наш разговор, перейдя к некоторым биографическим моментам жизни Александра Даниловича. Конечно, уже двадцать лет назад в прекрасном сборнике³, вышедшем к его 70-летию, многое было опубликовано, но, возможно, вы бы хотели что-то добавить?

Д. С.: Спасибо за это предложение! Я должен сказать, что совершенно согласен с высокой оценкой того сборника. Он действительно хороший, потому что и был задуман как многогранное введение в жизнь, события, биографию, открытия А. Д. Грача. Там представлены две, скажем так, ауры исследователя: одна – это Центральная Азия, другая – Петербург. И очень интересные воспоминания, конечно: Якова Абрамовича Шера – самые лучшие, – очень личностные и очень точные по портретным характеристикам; Саши Самбу – ближайшего сподвижника Александра Даниловича в Туве; Александра Михайловича Решетова – по совместной работе в Кунсткамере; Галины Вацлавны Длужневской, взявшей на себя руководство первым отрядом (после ухода А. Д. Грача с поста начальника экспедиции) и огромный труд работы в трубе (в Саянском каньоне Енисея). Очень хорошие воспоминания.

Мои наиболее близкие отношения с А. Д. Грачом складывались в период подготовки Саяно-Тувинской экспедиции, начиная с 1962 года. Затем 1963–1964 гг. – совместные работы в Хакасии, и 1965 г. – первый год работы Саяно-Тувинской экспедиции.

В общей сложности мы с ним прожили в одной палатке три экспедиционных сезона. Именно прожили: рядом две раскладушки стояли... и ночные разговоры, бесконечные сигареты и прочее... Я все это отразил в той небольшой статье, в воспомина-

ниях, которые так и назвал: «Между двумя экспедициями»⁴. Потому что у Грача было две самых больших экспедиции – первая этнографо-археологическая (ТКЭАН, работавшая под руководством Л. П. Потапова), а вторая, собственно, наша, СТЭАН. Между ними и был этот период нашего наиболее близкого общения. Но, конечно, там я сказал не все, и кое-что хотел бы добавить.

Н. С.: В том сборнике и места было не очень много...

Д. С.: Совершенно верно. Я бы хотел добавить несколько моментов из 1961–1962 гг., когда А. Д. Грач перешел из Кунсткамеры в Институт⁵. Для него это был такой революционный период, потому что тогда состоялись и защита кандидатской диссертации (по древнетюркским изваяниям Тувы), и переход в институт, и смена основной формы деятельности. И вот, когда он пришел в институт (об этом никто еще не говорил и не писал), то он попал в совершенно новую для себя среду, и, как мне кажется, он был человеком здесь достаточно одиноким. У него не было никого из друзей-сибиряков, поскольку специализировался он в университете по античной археологии, был любимым учеником В. Ф. Гайдукевича, писал дипломную работу по Боспору. А. Д. Грач потом об этом нигде не вспоминал и не писал, но, конечно, эта планка классического образования была очень высокой и очень перспективной. И, естественно, когда он оказался в Центральной Азии, прошел первую Тувинскую (потаповскую) экспедицию, то в первую очередь обратил внимание на памятники скифского времени, синхронные с античностью.

Но дело даже не в этом, а в том, что А. Д. Грач был изначально античником, затем ученым секретарем Кунсткамеры, работал в Туве, провел первые раскопки в Ленинграде, попутно занимался этнографией. Друзей в Ленинграде среди археологов-сибиреведов у него, по-видимому, не было. М. П. Грязнов относился к нему настороженно: признавал, но не допускал к себе близко. Что касается остальных сотрудников института, то они были

³ Речь идет о сборнике «Древние культуры Центральной Азии и Санкт-Петербурга» (Древние культуры, 1998), вышедшем в 1998 г., в создании которого принимал непосредственное участие Д. Г. Савинов.

⁴ Имеется в виду статья Д. Г. Савинова в сборнике к 70-летию А. Д. Грача (Савинов, 1998).

⁵ В 1963 г. А. Д. Грач был переведен из Института этнографии АН СССР в Ленинградское отделение Института археологии АН СССР (ЛОИА АН СССР) и включен в состав его сотрудников.

с ним в разных измерениях, хотя это были очень интересные люди, но другого плана. И поэтому весь круг его знакомств здесь – это не археологи, а больше востоковеды.

Я могу судить об этом, потому что мы встречались у него дома, очень много раз, и даже не по его личным каким-то симпатиям-антипатиям, а по тому, кто был у него в гостях, кого он звал домой. Там были: Владимир Аронович Лифшиц, замечательный иранист; тюрколог Сергей Григорьевич Кляшторный; из среднеазиатчиков наших, в институте, Игорь Николаевич Хлопин и Юрий Александрович Заднепровский. Археологов-сибиряков не было никого. В Москве А. Д. Грача связывали тесные отношения с Хорезмской экспедицией, со всеми, кто работал у Сергея Павловича Толстова.

Н. С.: В силу чего А. Д. Грачу было свойственно такое особое внимание и близость к московским исследователям Средней Азии?

Д. С.: А С. П. Толстов был директором Института этнографии в Москве.

Н. С.: То есть он по административной линии был с ним хорошо знаком?

Д. С.: Да, с того времени, когда был ученым секретарем Кунсткамеры. В Москве был еще один друг – Валерий Павлович Алексеев, антрополог. Кстати, когда мы с Верой Павловной Дьяконовой написали первую статью о нем (сразу после ухода А. Д. Грача, в 1981 году) со списком публикаций научных работ, я получил от В. П. Алексеева хорошее письмо с благодарностью за память об Александре, нашем общем друге и так далее...

Еще один москвич, близкий А. Д. Грачу, – Анатолий Михайлович Хазанов, скифолог, который потом уехал в Америку. К сожалению, почти никого из этих людей уже нет в живых.

Н. С.: А как представлял себе Александр Данилович будущую работу в Туве?

Д. С.: У него были большие амбиции, очень большое желание работать в Туве и абсолютная, как бы так сказать, внутренняя свобода действий. Но свобода эта была скована. Чем? Или кем? Двумя предшественниками, уже весьма авторитетными учеными в данной области: с одной стороны, это Л. Р. Кызласов, который уже обосновал понятие уюкской культуры по схеме ее однолинейного развития, с другой – С. И. Вайнштейн, который таким же образом выделил казылганскую культуру. То есть

поле было занято. И А. Д. Грачу предстояло или открывать все заново, или идти в кильватере, чего он органически делать не хотел.

Вообще он был человек очень харизматичный. Это было у него на роду написано. Рассказывал, что был спортсменом, участвовал в параде физкультурников в Москве, махал Сталину и прочее... Вообще любил рассказывать. Был очень здоров, физически силен и готов к сражениям, я бы так сказал. И еще очень молодой – ему тогда было только тридцать лет, всего-то.

Вот эти личностные оценки мне бы хотелось добавить, потому что они показывают, с чем он столкнулся, и они, в общем-то, определяют, что он сделал в конце концов. Грач пришел на неподготовленное поле, где многое хотел изменить, добавить, исправить, опираясь на то, как он видел, через призму в первую очередь общегуманитарной подготовки в античной археологии и знакомство с конкретным тувинским материалом. Это знакомство состоялось в первой экспедиции, там, где был его археологический отряд (один), а экспедиция была этнографическая.

Н. С.: Это экспедиция Л. П. Потапова.

Д. С.: Да. А когда появилась СТЭАН, то пропорция изменилась: это была археологическая экспедиция, и в ней (правда, только в 1965 г.) был один этнографический отряд. Он даже и здесь переставил все местами.

Н. С.: Кстати, к вопросу о СТЭАН, ведь эта аббревиатура расшифровывается как Саяно-Тувинская экспедиция Академии наук, – это было какое-то сознательное сокращение, с исчезновением из названия Ленинградского отделения Института археологии? Или было некоторой случайностью, рабочим сокращением, которое осталось в документах и используется по традиции?

Д. С.: Очень интересный и важный вопрос! Дело в том, насколько я помню, что это одна из причин, в общем-то, каких-то сложных отношений между ним и Б. А. Рыбаковым.

То есть получалось, что Академия наук проводит экспедицию, а не Институт археологии. Тем более это касалось Ленинграда, где вообще выпало Ленинградское отделение института. Возможно, поэтому никакой поддержки в будущем он от Б. А. Рыбакова не получал. Может быть, это была сознательная ошибка; может быть, это было сделано по согласо-

ванию с тем же С. П. Толстовым. Или здесь скрыта какая-то интрига уже более высокого порядка?..

Н. С.: Таким образом, можно говорить о том, что это сознательное решение?

Д. С.: Я думаю, что да; что иначе это бы исправили, безусловно.

Н. С.: Еще один вопрос, но связанный уже с личностью самого Александра Даниловича: насколько мы можем судить по воспоминаниям и исходя из ваших слов, можно говорить о его яркой харизме, которая сразу же делала Грача лидером... А вот стал ли он лидером в СТЭАН? Смог ли он создать свою команду во время работы СТЭАН под его руководством? Удалось ли ему это сделать?

Д. С.: Тоже хороший, но очень сложный вопрос. У него не было учеников как таковых, потому что у него были единомышленники. Круг этих единомышленников был не очень широк, причем это был весь руководящий состав экспедиции, куда и я входил, – те, кто с ним работал. Но никто: ни Астахов, ни я, ни Трифонов, ни Самбу, ни другие – мы не были его учениками. Были сподвижниками, младшими коллегами. И отношения у нас сложились именно такого плана. И, наверное, это даже больше чем команда. Во всяком случае, так было в начале работы СТЭАН.

Н. С.: Но он все же каким-то образом собрал всех этих людей?

Д. С.: Да. Он подобрал такой состав будущих лидеров экспедиции, начальников отрядов, именно как спаянную команду заранее, включив сюда людей, которых знал и которым мог полностью доверять. По старшинству: С. Н. Астахов, я, Ю. И. Трифонов, И. У. Самбу, С. М. Биче-оол (сотрудница ТНИИЯЛИ, начальник этнографического отряда).

Это вызвало большой протест здесь, в ЛОИА АН СССР, потому что тогда это была самая крупная экспедиция в стране и, насколько я понимаю, многим хотелось в ней участвовать.

И территория новая, и деньги большие, машины. И вообще – экзотика. А никого не взяли. И когда состоялся Ученый совет, то был мощный афронт по поводу того, как это может быть, что институт остался в стороне!

Н. С.: Это заседание Ученого совета ЛОИА перед созданием экспедиции?

Д. С.: Да. При утверждении руководящего состава экспедиции институт как бы остался в стороне,

и это вызвало много нареканий. Я был на этом совете, помню очень хорошо. Но А. Д. Грач держался абсолютно твердо: «Я собираю свою команду, я отвечаю за всех». Видимо, для сглаживания ситуации, чтобы была не только эта, слишком уж молодая команда (да и самому А. Д. Грачу тогда, в 1962 г., когда все начиналось, было всего 34 года), нас «разбавили» А. М. Мандельштамом. И, как оказалось, напрасно. Нам всем было двадцать с чем-то, максимум за двадцать пять лет. Мы все были управляемы априори.

Мы все были уже свои, работали на Туране (отдельный отряд под руководством А. Д. Грача работал в составе Красноярской экспедиции М. П. Грязнова) два года. Вообще, Туран в Хакасии – эта экспедиция 1963–1964 гг. была очень важна: это была такая генеральная репетиция Тувы. Отрабатывались организация и методика работ, школьники (рабочие на раскопках) у нас были только из Тувы.

Специально ездили на машине в Туву, через Саяны, туда-обратно, собирали школьников и привозили на место раскопок... И потом А. Д. Грач их воспитывал, эту раскопчную команду. Работал с ними удивительно много и целенаправленно. Читал им лекции: про Чингисхана, про Кюль-тегина. У всех были майки с козлами (тюркской тамгой), в лагере был свой флаг, под которым стояло древнетюркское изваяние, привезенное из Тувы. На все это А. Д. Грач обращал очень большое внимание.

Н. С.: А в чем была идея такого воспитания тувинских школьников? А. Д. Грач хотел вырастить будущих сотрудников экспедиции или, условно говоря, думал о некоей элите тувинского народа в будущем? Какая мысль преобладала?

Д. С.: Я думаю, что это совпадающие мысли. Естественно, он хотел воспитать сотрудников, людей, на которых он бы мог опереться в будущих полевых сезонах (то, что экспедиция в Туве будет работать не один год, было известно). А с другой стороны, он просто очень хорошо относился к Туве. Знал тувинский язык, любил тувинские песни. Больше всего ему нравилась песня «Чечек», что значит «Красный цветок». И он пел «Чечек» в гостях. Любил бывать в юртах, пил хойтпак, айран и так далее. Его принимали везде, потому что всюду считали своим...

Вот это блестящий пример того, как нужно работать в национальном районе! Он всюду имел друзей, в любой юрте, потому что он фотографиро-

вал детей, всюду вел разговоры... Но он не просто это делал, а на следующий год привозил фотографии, с чем-то уже приезжал. То есть он приезжал уже как свой. Он просто любил Туву.

Это то же самое, что сейчас делает Сергей Кужугетович Шойгу, кстати сам еще школьником в 1967–1970 гг. работавший в отряде И. У. Самбу, когда организует крупные полевые проекты со студенческими лагерями, и там есть волонтеры-тувинцы... Это все идет оттуда.

Насколько я понимаю, все это было непонятно и ненужно А. М. Мандельштаму, который ранее не входил в число друзей А. Д. Грача никоим образом. Он был старше, уважаемее, со знанием восточных языков, с большим опытом раскопок в Средней Азии. А. М. Мандельштам действительно копал очень хорошо, лучше всех. И то, что сейчас копают курганы с полной расчисткой сооружения, выявляют крепиды и прочее, – это его школа. А. Д. Грач копал не так. У него во всех ямах – стенка прямая, все хорошо расчищено, очень ярко, красиво – как оно должно быть. Так же начинал копать Ю. И. Трифонов, но потом и он, и Г. В. Длужневская стали копать «по-мандельштамовски».

Вместе с А. М. Мандельштамом появился и другой старший «друг», – В. П. Шилов... Эти два «друга» его в конце концов и сгубили...

Н. С.: В. П. Шилов вообще стал заведующим ЛОИА...

Д. С.: Да, он стал заведующим ЛОИА, но это очень длинная история, я не хотел бы в нее вдаваться... Эта их неожиданная «дружба» была, конечно, очень лестная, но и опасная для А. Д. Грача. Они были, очевидно, оба с достаточно сложной биографией. И для них А. Д. Грач был мальчиком таким, молодым. Сначала они очень любили его, а потом была просто ненависть, вражда, выживание и уничтожение. Чем все и кончилось.

Н. С.: Сознательное уничтожение?

Д. С.: Да, хотя причины этого до сих пор остаются неясными.

Н. С.: То есть здесь были не научные разногласия на первом плане?

Д. С.: Нет. Тут наукой и не пахнет. Об этом можно судить по архивным материалам⁶, опублико-

ванным в той же книжке (выпущенной к 70-летию А. Д. Грача). Интересно, как там идет обсуждение плановой темы А. Д. Грача, где он обосновывает выделение алды-бельской культуры раннескифского времени и приводит сравнительные таблицы материалов из других областей (Тасмола, Уйгарак, Майэмир и другие).

Н. С.: Те, что, наверное, у него вошли в книжку 1980 года?⁷

Д. С.: Да, это они и есть. Я был на этом заседании. Таблицы эти ругали: якобы они не отвечают поставленной задаче. И тогда очень хорошо сказал (и это последняя фраза в протоколе, который вела тогда Г. В. Длужневская) Александр Маркович Беленицкий, муаллим, патриарх среднеазиатской археологии: «Кто хочет сделать таблицы по скифам, пусть делает сам. А по-моему, это самые лучшие таблицы».

Н. С.: Но вернемся теперь к А. Д. Грачу как к одному из наиболее ярких и, в любом случае, самому известному исследователю археологических памятников Тувы. Как планировались и с научной точки зрения развивались эти работы?

Известно, что у А. Д. Грача был очень широкий круг интересов, их достаточно трудно ограничить. Или все же это можно сделать?

Д. С.: Можно. Он делал эти исключения, скажем так, по двум параметрам. Первым он исключил камень. Вообще все, что касается эпох камня, как не освещенных ему доступными источниками. И я его понимаю, я точно так же думаю. В принципе, он никогда не занимался ни палеолитом, ни неолитом и т. д. Это было не его поле деятельности.

Н. С.: Ему это было не интересно?

Д. С.: Нет, он просто не считал себя вправе туда влезать, потому что никогда с этим не сталкивался. Но он всячески поддерживал все работы С. Н. Астахова, потому что понимал их значение, исходя из принципа – раз палеолита нет, то он должен быть найден.

И второе, что он исключил, – это те эпохи, где у него не было собственных материалов. В этом отношении первая (условно – потаповская) экспедиция дала для него очень многое, потому что он копал там в основном памятники скифского, гуннского и тюрк-

⁶ Здесь Д. Г. Савинов говорит об опубликованном протоколе заседания Сектора Средней Азии и Кавказа ЛОИА АН СССР, на котором обсуждались результаты работы А. Д. Грача по

плановой теме, перед его переездом в 1973 г. (Протокол, 1998).

⁷ Речь идет о последней книге А. Д. Грача (*Грач*, 1980).

ского времени. Собственно, они и определили круг его интересов – он знал, о чем идет речь.

Н. С.: То есть А. Д. Грач всегда шел как бы с двух сторон: от времени источника и от наличия собственных находок?

Д. С.: Да. Это огромный, обширный исторически связанный материал, и за его границы А. Д. Грач не выходил.

Н. С.: Как вы считаете, насколько и в чем именно сказало его университетское образование археолога-античника?

Д. С.: Сказалось, безусловно, очень сильно, и в первую очередь на изучении памятников скифского времени. Ведь понятно, что скифская археология и античная – это как бы две стороны луны: одна более светлая – античная, а скифская – это обратная сторона луны, более темная. Но А. Д. Грач пошел дальше.

Что он сделал? Он перенес скифскую античную периодизацию, в основе причерноморскую, на Центральную Азию. То есть понятия раннескифского, скифского и позднескифского времени, со всеми отличиями их внутреннего содержания, взяты оттуда, это античная модель: архаика, классика, эллинизм, скажем так. Это всеобщая троичность истории, присутствующая везде, что для него было достаточно очевидно: не может быть все I тысячелетие до н. э. «уложено» в одной культурной традиции. Отсюда идея поликультурности.

Дальше – интерес к звериному стилю (возникший после находки знаменитой саглынской лошади), к вопросам социального устройства (из-за коллективных захоронений в саглыньских срубах) и т. д.

Н. С.: А почему он предпочитал говорить о «скифском времени», а не, например, о «сакском»?

Д. С.: Вопрос очень сложный. В одной из публикаций он даже писал о сако-массагетско-юэджийской принадлежности комплексов в Саглы; в принципе, объединял эти наименования. Но это был неперспективный путь, и А. Д. Грач от него быстро отказался, потому что нет никаких критериев того, где начинаются саки.

Н. С.: ...и кончаются скифы.

Д. С.: Скифы-то понятно где. А что такое саки? Саки – это эвфемистическое название тех же восточных родственников скифов, не попавших в античную традицию. Какие там дальше этнонимы – бог его знает... Он не считал, что в Туве жили саки,

никогда. И не относил их к скифам, как иногда пишут – «скифы Алтая» и далее.

Н. С.: Сейчас это в каком-то смысле общее место, особенно после работ С. И. Руденко.

Д. С.: Но это неправильно. Потому что «скифы» – это название, которым греки называли только соседние с ними племена. А как назывались те, которые жили восточнее, – никто не знает. Вот почему такое распространение получил термин «ранние кочевники», как внеэтнический, введенный еще до войны М. П. Грязновым.

Н. С.: Тогда почему он назвал свою книгу 1980 года «Древние кочевники в центре Азии»?

Д. С.: Потому что, хотя термин «ранние кочевники» очень удобный, но он является каким-то хронологически обязанным. Если есть ранние, то должны быть и более «поздние кочевники», а принципиальных различий между ними нет.

Н. С.: Ну да, и ведь были дискуссии на эту тему.

Д. С.: Да, были дискуссии, но они ни к чему не привели. Договорились только о том, что там, где появляются письменные источники, ранних кочевников уже нет. Но в хуннско/гуннское время уже были письменные источники, а культура принципиально не изменилась. Очевидно, что понятие «древние кочевники» как формационное определение точнее. Оно определяется характером источника, т. е. вне письменной традиции. Они заведомо древние: не ранние и не поздние. Они самодостаточные. У них есть самые древние, подревнее и менее древние, но это уже археологически неуловимо.

Н. С.: Получается, что это тоже формационный подход, типа того, которого придерживался М. П. Грязнов. Но для М. П. Грязнова был важным сам факт появления кочевников, а здесь речь идет о другом.

Д. С.: С М. П. Грязновым очень сложный вопрос. Вся концепция А. Д. Грача, с одной стороны, кильватерная по отношению к идеям М. П. Грязнова, а с другой стороны, это их антитеза. Потому что у М. П. Грязнова (ученика и преемника С. А. Теплоухова), вышедшего из среды естественников, в основе лежит идея эволюции, однолинейного развития или даже саморазвития. А это требует выделения этапности. Отсюда такое стремление к выделению этапов, которое довлеет над нами до сих пор. А. Д. Грач первым попытался нарушить эту систему, но об этом подробнее надо рассказывать дальше.

Н. С.: Если вернуться непосредственно к археологическим штудиям А. Д. Грача и, наверное, начать с эпохи бронзы, то как вы считаете, что принципиально нового было сделано им для Тувы, для Центральной Азии – его исследованиями?

Д. С.: Начнем с того, что эпоха бронзы в Туве до сих пор неизвестна. Отдельные памятники, которые сейчас есть, я имею в виду Аймырлыг XIII, будто бы чаа-хольская культура, которая на самом деле культурой не является, поскольку это только один памятник; несколько погребений афанасьевского типа; Мугур-Саргол с его личинами; два или три карасукских ножа в музее – все это пришлые элементы разновременных культур, каким-то образом попавшие в Туву. А где собственно тувинские материалы эпохи бронзы?

Н. С.: Только поздняя бронза нам стала немного более понятной, и то как тип памятников, а не эпоха.

Д. С.: Это следует отметить особо. Поздний бронзовый век ассоциировался А. Д. Грачом с определенным видом памятников, которые он впервые нашел и раскопал – именно он – в Монгун-Тайге, откуда и происходит их название – памятники монгун-тайгинского типа. Это определенный вид погребений на горизонте или в очень неглубоких ямах, с крепидой, на платформе, как правило, безынвентарных. Так что и говорить о них как о культуре, на мой взгляд, пока не приходится. То есть это определенный тип памятников, как и представлял их А. Д. Грач, имевших достаточно широкое распространение и вообще характерных для данной эпохи.

Так что пока проблема эпохи бронзы в Туве остается. Она была поставлена А. Д. Грачом и в том же виде сохраняется. Он же ее и терминологически определил. Вот что стоит за термином «памятники монгун-тайгинского типа» – это не его уже дело, к сожалению. Это дело будущего.

Н. С.: Хорошо, будем двигаться по хронологии вверх. Дмитрий Глебович, как бы вы охарактеризовали итоговую книгу А. Д. Грача, которая подвела важную черту под исследованиями памятников эпохи ранних или, по А. Д. Грачу, древних кочевников Тувы? Того, что мы называем скифским временем в Туве? Как я понимаю, в свое время она закрыла проблему. Но как мы на нее смотрим сейчас?

Д. С.: По этому поводу можно говорить много. Он действительно попытался, но не закрыть, а все-сторонне осветить эту тему: выделил целый ряд

направлений, сюжетов, специально им разработанных, по модели, в общем-то, скифской археологии. Там есть и социальные отношения, и верования, и культ (культ Великой богини), хозяйство. И конечно, их фактологическая основа – все материалы могильника Саглы-Бажи II, впервые убедительно показавшие принадлежность пазырыкской (в Туве – саглынской) культуры к скифскому времени.

Но главное значение этой работы, на мой взгляд, заключается в том, что он в ней фактически ушел от идеи монокультурности, отказался от ставшей уже аксиоматичной идеи спонтанного развития одной культуры на данной территории в течение длительного времени, где за образец были взяты минусинские древности.

В свое время, в 1960-е гг., шла чрезвычайно острая дискуссия о возможности существования разных культур на одной территории применительно к эпохе бронзы. При этом рушилась старая теплоуховская идея, которая была воспринята М. П. Грязновым как аксиома для тагарской культуры скифского времени и затем перенесена другими исследователями (Л. Р. Кызласовым, С. И. Вайнштейном) на территорию Тувы.

И дело не в том, что А. Д. Грач сказал, что будто бы уюкской культуры нет, казылганской культуры нет, а есть теперь выделенные им на тех же материалах алды-бельская и саглынская культуры, о чем он, конечно, не говорил, но иначе и поступить было нельзя. Форма определяет содержание. За термином стоит его фактическое наполнение. Поэтому нельзя говорить о поликультурности уюкской культуры? Потому что она есть единая, правда? Но раз содержание меняется (а это было доказано с безукоризненной точностью), то меняется и определение культуры, соответственно. Единственное, в чем он был неправ и, я думаю, ушел бы от этого впоследствии, – это обязательное выделение этапности, резкой смены одной культуры другой, в то время как всегда есть какой-то контактный период, параллельное существование элементов различных культур и т. д.

Надо заметить, что то, что А. Д. Грач предложил, – сильно всем усложнило жизнь. Если раньше надо было сказать, откуда вышла одна традиция и чем она закончилась, то теперь нужно понять: откуда вышла и чем закончилась каждая из выделенных культур. То есть сложность исследования для скифского времени по меньшей мере утроилась.

С чем я не согласен и что спорно, конечно, и, опять же, как дань этапности, – это выделение аржанского этапа алды-бельской культуры.

Н. С.: Он явно был искусственно выделен.

Д. С.: Да, искусственно. И проблема, конечно, значительно сложнее: Аржан-1 имеет большее отношение к монгун-тайгинским памятникам, чем к будущей алды-бельской культуре. И Аржан-2 показал, что это разные явления – другая эпоха и все другое. И не надо здесь никаких этапов вводить, потому что пока есть только отдельные яркие памятники.

Н. С.: Интересно, как вы думаете, ради чего он это сделал? Чтобы включить первый Аржан в свою схему?

Д. С.: Я думаю, да. А. Д. Грач просто не знал, куда его вместить. А то, что он сопоставляет планы Аржана-1 и Алды-Беля, – действительно, одна половина свободна, могилы – с другой стороны. Какое-то совпадения, конечно, есть. Ну и потом, просто почетно: царский курган алды-бельской культуры!

Н. С.: Я как раз об этом и хотел спросить: может быть, сыграла свою роль социальная значимость кургана?

Д. С.: Думаю, что сыграла. А. Д. Грач выделил алды-бельскую культуру, М. П. Грязнов раскопал царский курган Аржан. А теперь алды-бельская культура получает свой царский курган. Это все некоторые издержки, но с течением времени они простительны.

Главное, что идея монокультурности вполне закономерно была нарушена, и если бы А. Д. Грач не был специалистом в области античной и скифской археологии, то вряд ли бы это допустил. Потому что здесь для него не было авторитетов, вот что важно. Если бы он шел в кильватере за всеми, то и думал бы как все. А он не мог с кого-то копировать ничего. Он пришел в Туву буквально на чистый лист, но с определенным запасом отсюда (из античной археологии). И так, в общем-то, все и строилось.

Что касается идеи поликультурности, то это – единственно возможный путь, и у нас это абсолютно правильно воспринято. Другое дело, что каждая из названных культур имеет определенное территориальное ограничение. Алды-бельских памятников нет на юге. Памятников уюкского типа – больше на севере. Саглынская культура – это часть монголь-

ского ареала. Дальше будет могильник Улангом – чаньдманьская культура, но, по сути дела, это та же саглынская культура.

И все это представляет поле деятельности современных исследований, начало которым было положено А. Д. Грачом.

Так работает и будет работать петербургская школа сибирской археологии. Как обоснование теоретической модели культурогенеза степной зоны эта парадигма отработана А. Д. Грачом на материалах Тувы. И, собственно говоря, все, кто работает сейчас здесь, так или иначе идут по этому пути.

Н. С.: Являются его наследниками.

Д. С.: Безусловно!

Н. С.: Пожалуй, можно теперь перейти к хронологически следующему периоду – гунно-сарматскому времени.

Д. С.: Спасибо. Но перед этим хотелось бы отметить еще два небольших, но весьма существенных сюжета для скифского времени. Первый – это выделение самых ранних композиции в искусстве раннескифского времени Тувы, названных им «загадочными картинками». До этого господствовала переднеазиатская теория происхождения скифского искусства М. И. Артамонова, согласно которой все композиции звериного стиля были заимствованы из Передней Азии (так называемый «стиль цитат»). Второй – это выделение погребений кочевников среднего слоя скифского времени.

Культура среднего слоя ближе всего к понятию именно археологической культуры, потому что она лишена какой-либо экономической вуали – или бедности, условно говоря, или грандиозности.

Н. С.: Потому что одно мы можем предположить по отсутствию вещей, а другое – по размеру памятников?

Д. С.: Это впервые было сделано Грачом. И это правильный подход: культура основывается на среднем слое в первую очередь.

Н. С.: Как основном носителе ценностей.

Д. С.: Совершенно верно.

Переходя к гунно-сарматскому времени, можно сказать, что здесь ситуация несколько иная. А. Д. Грач с большим интересом относился к этим памятникам, сам копал их в Монгун-Тайге и в Сут-Холе, они были очень невыразительные. Но его интересовала эта эпоха, безусловно важнейшая в культурогенезе. Поэтому А. Д. Грач всячески при-

ветствовал раскопки А. М. Мандельштама, везде пропагандировал Бай-Даг 2, как погребение ноин-улинского типа и все, что с этим было связано.

Когда появились впускные погребения с хуннским инвентарем в Урбюне-III и склепы из раскопок Ю. И. Трифонова, А. Д. Грач выделил улуг-хемскую культуру, в соответствии со своим видением необходимости археологического обоснования данного периода. Раз уже было скифское время, то что-то должно быть после. При этом он сохранил из всех культурных дефиниций предшествующих исследователей название озен-ала-белигского этапа, по С. И. Вайнштейну. Почему? Потому что оно хорошо соответствовало его представлениям о позднескифском времени. Оставил это название, хотя такое трудно читаемое – озен-ала-белигский этап.

Н. С.: Собственно, сейчас почти не упоминаемое.

Д. С.: Почти не упоминаемое, да. Лучше просто – позднескифский этап.

И дальше что-то должно было быть. И это уже новая улуг-хемская культура, скорее угаданная, чем выделенная А. Д. Грачом.

Сейчас, после открытия Ала-Тея и Терезина с великолепными хуннскими бронзами, ясно, что все это не так просто: уже совершенно иное хунно-сяньбийское время, и оно требует самых тщательных дальнейших исследований.

Н. С.: Ну и последнее, пожалуй, давайте уже перейдем к средневековью, да?

Д. С.: Об этом можно рассказывать очень долго. Здесь, конечно, огромный вклад – это обоснование понятия «древнетюркское время». Было известно много памятников одной исторической эпохи – погребений, каменных изваяний, наскальных изображений, – явно окрашенных одной, характерной только для этого времени традицией, но не было объединяющего их понятия. Даже не столько хронологического, сколько культурологического.

Н. С.: То есть до А. Д. Грача такого понятия не существовало?

Д. С.: Не было совсем. Вообще, понятие «древнетюркское время» меняло свой смысл несколько раз. Сначала это была эпоха рунического письма, когда открыли памятники рунической письменности; затем, у С. В. Киселева – эпоха раннесредневековых государств. И только уже во время работы ТКЭАН, когда одновременно исследовались архе-

ологические и этнографические памятники, имеющие много «сквозных» генерирующих линий связи, оно появилось. То есть сначала это чисто лингвистическое понятие, затем историческое и только потом – историко-культурное, причем охватывающее не только период тюркских каганатов, VI–VIII вв., а всю вторую половину I тысячелетия н. э. У А. Д. Грача есть очень хорошая статья 1966 г. «Хронологические и этнокультурные границы древнетюркского времени»⁸, где дано исчерпывающее обоснование этого понятия, очень правильное.

Возражая А. Д. Грачу, Л. Р. Кызласов писал, что таким же образом мы должны выделять древнеиранскую эпоху, древнеславянскую эпоху и т. д. Но он просто не понял или не хотел понять: ведь это совершенно другое, именно археологическое измерение. И в конце даже с пафосом восклицал: «Ну, скоро речь пойдет о древнетюркской археологии!» Да, древнетюркская археология есть. И древнетюркское время – это совершенно определенное формационное понятие, позволяющее проследить последовательное развитие культурных традиций в разноэтнической среде, и не только древних тюрков; но вот важное дополнение, которое я хотел бы сделать уже от себя, – под эгидой тюркоязычных правящих династий.

Из них последняя – это кимако-кыпчаки, которые еще фиксируются в 30-е гг. XI в. На этом древнетюркское время закончилось.

Начинаются XI–XII вв. – до сих пор это самое «белое пятно». Или предмонгольское время. Или как угодно. А. Д. Грач его не любил, не знал и не касался даже.

Н. С.: А вот, скажем, кыргызы, столь любимые Г. В. Длужневской, – куда они попадут?

Д. С.: А Галина Вацлавна сделала очень многое, привлекая все ляосские (киданьские) аналогии. Они все попадают на рубеж X–XI вв. То есть в начало того самого «белого пятна». На Среднем Енисее они сохраняются дольше, а в Туве уже исчезают. В Туве уже нет кыргызских памятников XII в. XI век есть еще, остатки.

Н. С.: Это была идея А. Д. Грача – дать ей такую тему или она сама на нее вышла?

⁸ Здесь говорится о статье А. Д. Грача в «Тюркологическом сборнике» 1966 г., посвященном 60-летию А. Н. Кононова (Грач, 1966).

Д. С.: Я боюсь сказать точно, потому что сначала предполагалось, что она будет заниматься тюрками. Но потом оказалось, что за эту тему очень серьезно взялся Ю. И. Трифонов, так как у него на Аргалыкты пошли подряд очень хорошие тюрки. И Галина Вацлавна оказалась как бы не у дел; а в «трубе», где она работала потом, ей в основном попадались кыргызские сожжения, следы отступления кыргызов. Думаю, что по мере появления этих памятников так и получилось. И потом – никто у нас этим не занимался, это было свободно.

Н. С.: Получается, это была та ниша, которую она так успешно заняла и, наверное, наиболее последовательно из всей команды Грача разрабатывала свою тему.

Д. С.: Да, конечно. Кроме того, сам А. Д. Грач раскопал Эйлиг-Хем III – роскошный памятник, которым он очень гордился: великолепный набор княжеской амуниции, надпись-эпитафия, сабля Багыра и так далее. Но А. Д. Грач специально кыргызами уже не занимался, а было ему очень интересно и важно, чтобы кто-то занялся. Думаю, что и это могло сыграть свою роль.

Н. С.: У меня, пожалуй, возникло еще несколько вопросов. Получается, что, занимаясь Тувой, А. Д. Грач последовательно закрыл, видимо для себя, конечно, несколько таких направлений или тем. Это тюркские изваяния, по которым у него вышла в 1961 г. известная книга. Перед этим были еще две объемные статьи по петроглифам Тувы, как бы подытоживающие все, что им к этому моменту было сделано. А потом и от петроглифов, и от тюркских изваяний он ушел, опять же, сознательно? Это произошло потому, что он счел, что на тот момент уже ничего нового не сделать, и занялся другими вещами? Или это были части какой-то одной идеи?

Д. С.: Нет, одной – вряд ли... Он ушел, потому что считал, что то, чем он был обеспечен с точки зрения своих источников, он сделал. С изваяниями – это 56 статуй, им открытых и опубликованных, – самая большая серия; по его следам уже пошли и другие: древнетюркские изваяния Семиречья, опубликованные Я. А. Шером; Горного Алтая, собранные В. Д. Кубаревым, и другие.

С петроглифами то же самое. Он первым предложил (опять же, первым) и считал достаточным, что лучший способ копирования – это фотография. Почему? Потому что у него не было времени за-

ниматься этими кальками. Но главный образ древнетюркского пантеона – знаменитого козла – он все же из петроглифов «вытащил» и сделал его символом созданной им экспедиции, во главе которой находился до 1973 г.

Н. С.: Ну, очевидно, мы уже подошли к логическому концу беседы. Поскольку мы начали с ваших воспоминаний об А. Д. Граче, было бы замечательно и закончить в такой же плоскости. Чтобы вам хотелось добавить, исходя из всего сказанного?

Д. С.: Пожалуй, ничего, кроме того, что благодаря проискам администрации института, и в первую очередь А. М. Мандельштама⁹, претендовавшего на выделение самостоятельной экспедиции в рамках СТЭАН, и заведующего ЛОИА В. П. Шилова, на очередном Ученом совете А. Д. Грач не прошел по конкурсу на замещение научной должности, т. е., попросту говоря, был уволен из института. Я не был на этом совете, но рассказывали, что это был такой тридцать седьмой год: ощущение черного потолка, который тяжело опускается на голову; в Дубовом зале у нас это все происходило.

Н. С.: Там, по списку присутствующих членов совета, было всего 16 человек, из которых шесть проголосовали за продление, а десять – против. На заседании не было М. П. Грязнова и еще нескольких человек, которые могли бы изменить результаты голосования.

Д. С.: Да, и так бывает... Очень большую поддержку тогда оказали В. М. Боряз (заведующий кафедрой философии АН СССР, где А. Д. Грач составлял и готовил к печати «Указатель советской литературы по методологическим проблемам археологии за 1918–1973 гг.»¹⁰) и коллеги из ТНИИЯЛИ (директор Ю. Л. Аранчин), куда А. Д. Грач был зачислен в качестве старшего научного сотрудника (та самая должность, которой он лишился в ЛОИА), благодаря чему имел возможность продолжать исследования памятников скифского времени на новостройках Тувы. Все полученные

⁹ В эти годы А. М. Мандельштам занимал должность председателя месткома ЛОИА АН СССР и, по должности, входил в так называемый треугольник – административную группу, состоявшую из руководителя учреждения и глав партийной организации и местного комитета профсоюзной организации, ведавшую в том числе составлением официальных характеристик сотрудников в период их переаттестации.

¹⁰ Указатель был сдан в печать в 1978 г., но так и не вышел (Древние культуры, 1998. С. 16).

им материалы также вошли в книгу 1980 г., которую он предполагал представить в качестве докторской диссертации. Уже прошли все обсуждения, но не успел...

Н. С.: Итак, многое сделано, несмотря на то что в институте он проработал всего лишь десять лет, с 1963 по 1973 год!

Д. С.: Да. А на все это – двадцать лет. С момента первого появления в Туве и до последнего дня. Причем из них половина – вне института. Конечно,

сделано очень многое. И главное – определены направления всех современных, да и будущих исследований. То, что происходит у нас, – подтверждение и развитие тех же идей. Это хорошо, но только Александра Даниловича очень не хватает. Если бы он был, все могло происходить в том же русле, но гораздо лучше, полнее и в чем-то иначе.

Н. С.: Спасибо, Дмитрий Глебович! На этой высокой ноте мы и завершаем наш интересный разговор.

Грач, 1966 – Грач А. Д. Хронологические и этнокультурные границы древнетюркского времени // Тюркологический сборник. К 60-летию Андрея Николаевича Кононова / Отв. ред. С. Г. Кляшторный. М.: ГРВЛ, 1966. С. 188–193.

Грач, 1980 – Грач А. Д. Древние кочевники в центре Азии. М.: Наука, 1980. 256 с.

Древние культуры, 1998 – Древние культуры Центральной Азии и Санкт-Петербург. Материалы Всерос. науч. конф., посвящ. 70-летию со дня рожд. А. Д. Грача (декабрь 1998 г., г. Санкт-Петербург) / Отв. ред. Д. Г. Савинов. СПб.: Культ-информ-пресс, 1998. 304 с.

Протокол № 13 заседания Сектора Средней Азии и Кавказа ЛОИА АН СССР от 16 марта 1973 г. // Древние культуры Центральной Азии и Санкт-Петербург. Материалы Всерос. науч. конф., посвящ. 70-летию со дня рожд. А. Д. Грача (декабрь 1998 г., г. Санкт-Петербург) / Отв. ред. Д. Г. Савинов. СПб.: Культ-информ-пресс, 1998. С. 39–47.

Савинов, 1998 – Савинов Д. Г. Между двумя экспедициями // Древние культуры Центральной Азии и Санкт-Петербург. Материалы Всерос. науч. конф., посвящ. 70-летию со дня рожд. А. Д. Грача (декабрь 1998 г., г. Санкт-Петербург) / Отв. ред. Д. Г. Савинов. СПб.: Культ-информ-пресс, 1998. С. 68–77.

Archaeology of Tuva in works by Aleksandr Danilovich Grach (Interview of December 20, 2019)

D. G. Savinov

Interview with D. G. Savinov was organized by N. Yu. Smirnov. The form of a recorded verbal conversation with subsequent transcription and a more exact description of certain moments was proposed by D. G. Savinov as a most appropriate one, in his opinion, to the goals of presentation of A. D. Grach's personality as a prominent scholar, a senior colleague and a friend. The form of a reminiscence dialogue infrequent in national jubilee collections and memoir articles seemed to both interlocutors the most proper and right for translation of the facts, impressions and evaluations from one generation, that was personally

acquainted with A. D. Grach and worked side by side and together with him, to another generation formed (in the sphere of the archaeology of Tuva) already only by his books and articles. The topics and subjects touched upon in the conversation of D. G. Savinov and N. Yu. Smirnov deal with different aspects of the personality of A. D. Grach and his maturing as a scholar and the most prominent researcher of Tuva antiquities in the 20th century who has laid down the foundations of the modern 'picture of the world' for his followers – archaeologists of the Saint Petersburg scientific school studying now this amazing region.